

К. В. Севастов
Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Sevastov
National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION IN POSTMODERN CULTURE

В статье рассматривается феномен самоидентификации в контексте культуры постмодерна, характеризующейся пересмотром классических и неклассических социальных установок и определяющей разновекторное направление субъекта к процессу обретения личностной идентификации. Автор, опираясь на концепцию троичной психической системы и феномен игры, формирует вывод о возможной изначальной предрасположенности личности к идентификационной диффузности.

Ключевые слова: постмодерн; самоидентификация; идентичность; стадия зеркала; феномен игры; деконструктивизм.

The article considers the phenomenon of self-identification in the context of postmodern culture, characterized by a revision of classical and non-classical social attitudes and determining the multi-vector direction of the subject towards the process of acquiring personal identification. The author, relying on the concept of the ternary psychic system and game theory, draws a conclusion about the possible initial predisposition of the personality to identification diffuseness.

Keywords: postmodern; self-identification; identity; mirror stage; game theory; deconstructivism.

Постмодернизм – явление, озаглавленное в современной социальной теории как событие, получившее полярно разную оценку: от безоговорочно-восхищения до ультимативного протеста. В то же время постмодернизм как своего рода модель рефлексии на актуальную социальную реальность диктует непредсказуемые, оригинальные разрешения большого количества проблем и вопросов.

Философия постмодернизма стала многовекторным теоретическим результатом колоссального культурного переворота в самоопределении западной цивилизации [1].

Дискуссионным моментом является определение хронологических рамок данного течения как ступени в развитии социальных систем. Безусловно, период еще не на завершающей стадии своего развития, однако и о дате начала не существует единого мнения в философских кругах.

Достаточно решительным определением начала периода постмодерна является вариант А. Тойнби. По его мнению, точкой отсчета считается 1875 г. Другие исследователи отождествляют начало эпохи постмодерна со временем студенческих выступлений в Париже в 1968 г.

Следует отметить, что на первом месте стоит вопрос интерпретации современной реальности как способа экзистенциальности и самоактуализации общества, отличного от минувшего.

Разумеется, постмодерн – это «следующее модерну», но с достаточно весомой редемаркацией – преемственное, но в полной мере полное негации.

Идентификационная направленность личности в постмодерном обществе нестатична и более не рефлексирована на установки модернистских теорий. В то же время на место личностного самоопределения заступает один из его составных компонентов – самоидентификация, впоследствии приобретая больший вес, чем когда-либо ранее в первую очередь ввиду многовекторности общества, его ценностной нестабильности, а также часто меняющихся норм и правил внутри него.

Наиболее пристальное внимание проблеме самоидентификации начинается уделяться на рубеже XX–XXI вв.

Тем не менее проблема самоидентификации глубоко рассматривается в классической философии и психологии, в том числе в работах советских ученых (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев).

Также идентификационные механизмы исследованы белорусским философом Н. Н. Беспмятных, однако он их рассматривает с точки зрения формирования этнонациональной идентичности [2; 3].

Необходимостью актуализации проблемы личностной идентификации стал быстро развившийся в современной культуре экзистенциальный кризис, а также в какой-то мере эскалация интроспекции как в сознании одного человека, так и общества в целом. При этом следует уточнить, что при рассмотрении всей истории философской мысли прослеживается направленность интереса философов к такого рода проблеме именно в переломные моменты истории.

Исследование проблемы самоидентификации невозможно без рассмотрения психоаналитической теории личности: учитывая преемственность постмодерна и его переосмысление предыдущих течений, опора на концепции фрейдизма и постфрейдизма в контексте исследования процессов личностной идентификации является парадигмальным и методологически обоснованным механизмом.

З. Фрейд, углубившись в исследование скрытых слоев личностных систем и подсистем, обозначает троичную психическую систему, включающую в себя Оно, Я и Сверх-Я.

Оно – резервуар идиопатических влечений. Гиперактивная и онтогенетически первичная структура личности. Оно существует, руководствуясь

удовольствием, и не участвует в интерпретации стороннего. Сверх-Я – отражение действительности в психике человека, поле для ментальных установок, норм социального существования, табу и религиозных формирований. Основные функции: совесть, эмпирия, формирование ценностей, идеалов, мнений. Основной функцией Я является симбиоз Оно и Сверх-Я для образования обязательной связки с миром внешним и окружающей действительностью. Определяющая функция Я – инструмент психологической обороны, при помощи которой категоричное Сверх-Я может быть обмануто, а возмещение потребностей будет реализовано без чувства вины.

В данной троичной системе психики личностный уровень рассеян. Из трех составляющих психологических структур психоаналитической теории только Я и, возможно, Сверх-Я могли бы предстать в виде личностного уровня [4].

Впоследствии слабую сторону фрейдистской концепции личности пересматривают его ученики (К. Юнг, А. Адлер, О. Ранк), сделав открытия З. Фрейда основой для своих исследований и поводом для модернизации своей психиатрической практики.

Исследуя проблему самоидентификации, нельзя оставить без внимания исследования Ж. Лакана, ошибочно именуемого последователем З. Фрейда в одних кругах (Ж.-А. Миллер), но заслуженно считающегося «человеком, который перечитал Фрейда» в других (А. Грин, Ж. Валь).

Особого упоминания заслуживает термин «стадия зеркала», которую изначально сам психоаналитик объясняет исключительно как стадию взросления ребенка (6–18 месяцев), впоследствии определяя ее не просто периодом в жизни ребенка, а как конструкт субъективности или парадигму воображаемого.

Визуальная тождественность, получаемая от зеркального изображения, гарантирует иллюзорную цельность эмпирии фрагментированного реального – ребенок визуализирует свой образ цельным, но, что немаловажно, ввиду неспособности координации движений воспринимается этот образ фрагментарно. Ж. Лакан считает, что такого рода контрастность анализируется ребенком как состязание с собственным отражением, так как единство образа подвержено угрозе разрушения. Из этого следует, что стадия зеркала предопределяет враждебный накал между субъектом и образом, при этом первый во избежание агрессивного напряжения инициирует процесс идентификации себя с образом. В данной начальной стадии процесса идентификации и структурируется Я. При этом Ж. Лакан уточняет, что стадия зеркала выявляет Я как исход в виде недоразумения (ложное опознавание), а соответственно, как раз на этой стадии и происходит символический отказ субъекта от самого себя и закрепляется иллюзорный порядок [5].

Таким образом, исходя из первичной концепции, предложенной З. Фрейдом об изначальной нецелостности личности, а также на примере стадии зеркала Ж. Лакана, можно предположить, что идентификационный кризис личности имеет обоснованность и последовательную логичность своего

существования в эпоху постмодерна. Единство личности берет истоки из первоначального диффузного состояния психики, а поскольку именно для постмодерна характерна декомпозиция личностного единства и атомарность организованной целостности ставится под вопрос, естественность распада не вызывает сомнений.

Тем не менее достаточно общим, но в то же время точным является определение того, что развитие личности существует циклично и происходит постепенно.

Так, Э. Эриксон определяет становление личности только поэтапно и на протяжении всей жизни. Также ученый провел немало рассуждений, посвященных таким понятиям, как идентичность и идентификация. Он указывает на то, что само понятие идентичности укоренилось, исходя из протеста, то есть в тот момент, когда ее стабильность и нерушимость пошатнулась [6].

Предполагается, что на определение индивида в мире как самого себя имеют влияние те же установки, которые интерферируют на его самосознание в целом. То есть самоидентификация является ничем иным, как частью самосознания: человек, не анализирующий самого себя, не способен к кризису идентичности [7].

Но что же тогда формирует самосознание с определенными предпосылками к последующему самоанализу для поиска личностной идентичности? Ответ на этот вопрос спектрально широк и не дает четкого определения, что, с одной стороны, позволяет проблеме оставаться актуальной и быть предметом современных исследований, а с другой – отсутствие точности и наличие вариативности и разновекторности можно охарактеризовать как специфику постмодерна в целом, для которого и характерно отсутствие полноты в определении, а также релятивности и плюральности определений как таковых.

Следует отметить, что проблема самоидентификации личности является проблемным полем для философии на всех ступенях развития философской мысли: от Сократа и поставленной им задачи познания самого себя и места этой задачи в философии эпикуреизма и стоицизма к философии средневековья, отличительной чертой которой является жанр исповедальной литературы, а также к вопросу постижения личностной сущности с присущей ей противоречивостью в философии Ренессанса. Кризис личностной идентификации неизбежен ввиду особенностей именно постмодернистской культуры, которой свойственно неопределенное миропонимание, децентрированность в окружающей действительности и этический релятивизм [8].

Постмодернизм старался абстрагироваться от постулатов как классической, так и неклассической философии, в то же время отдавая определенную дань уважения последней с ее колоссальным количеством революционных идей, хоть и идей эпохи уходящей (Ф. Ницше, Л. Витгенштейн, З. Фрейд, М. Хайдеггер и др.).

Постмодернизм является следствием реакции на кризис идей эпохи модерна с ее отказом от наличия внешней причины – «смерть Бога» (Ф. Ницше, М. Хайдеггер), протестом против литературной традиционности – «смерть Автора» (Р. Барт) и концепцией отсутствия субъекта – «смерть человека» (М. Фуко).

Л. А. Меньшиков структурирует связь между философией постмодерна и неклассической мыслительной традицией, описывая постмодернистское интеллектуальное поле как семиотизацию смыслов и концептов неклассической философии. Он определяет, что трактовка постмодернистской формы самоопределения человека в мире находит отражение в терминологии С. Кьеркегора – «отчаяние возможного» – смысл культурного разнообразия заключается в непрерывном поиске эстетических впечатлений, которые, находясь сепаративно по отношению друг к другу, не несут в себе никакого смысла, приводя к состоянию отчаяния, которое становится всеобъемлющим в существовании человека [9, с. 9]. Л. А. Меньшиков концентрирует внимание на философии культуры О. Шпенглера и его концепции «заката Европы», в которой неоднозначность европейской модели построения культуры возводится в абсолют; учение А. Бергсона о живом, субъективном времени – полемизировав теории психологического детерминизма и психофизики, он определяет сознание субъекта как бесконечно меняющуюся, творческую реальность, а также как множество, в котором мышление составляет лишь поверхностный несамостоятельный уровень, нуждающийся в практике и социальной жизни [10]; переосмысление постмодерном рационализма Х. Ортеги-и-Гассета о единстве жизни и истории и их культурной обоснованности, а также концепции «восстания масс», по которой понятие массовости в культуре и обществе стало фундаментом для постмодернистского эксперимента, и дегуманизации в культуре и обществе XX в. – через переосмысление состояния культуры выводится новое качество аксиологического перехода, ведущего к постмодернизации культуры и перераспределению роли человека в ней [11]; концепция М. Хайдеггера о кризисности современной культуры и проблематике связи положений между человеком и техникой – технический прогресс лишает культуру тайны и сократительного смысла, сам преобразуясь в этот смысл, но уже без участия человека [12].

Выявив связь постмодерна с предшествующей мыслительной традицией, Л. А. Меньшиков приходит к выводу о монолитности корреляции и вариативности данных соотношений в развитии философской мысли, а также определяет постмодерн как феномен преемственности и семиотизации интеллектуального опыта [9].

Всесторонние постмодернистские проекты – текстологический (Р. Барт, Ж. Деррида), шизоаналитический (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), нарратологический (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар), симуляционный (Ж. Бодрийяр, Ж. Батай) – привели к «всепоглощающей деконструкции» (термин Ж. Деррида),

т. е. дезинтегрировали традиционную философскую мысль, но в то же время переосмыслили ее.

Ж.-Ф. Лиотар, в свою очередь, проводит параллель между постмодернистской аналитикой и психоаналитической рефлексией на жизненный опыт с использованием сновидений и игры свободных ассоциаций – если западная цивилизация не проанализирует критический опыт, она обречена на «рецидив невроза», которым в условиях неизбежной глобализации постиндустриальные государства заполнят весь остальной мир [13].

В данных условиях бесконечного расщепления, замещения и распада на различные срезы и составляющие общепризнанных философских моделей относительно окружающего мира ребром встает вопрос не только о месте человека в этом мире, но и о том, что же займет место, пустующее в нем ввиду деструкции целостности Я как такового. Здесь и возникает проблема личностной идентификации, или самоидентификации, в современных условиях и парадоксально шаткого состояния ценностных ориентаций окружающей действительности.

И. А. Латыпов, опираясь на концепцию Ж. Бодрийяра о симуляции самоопределения личности и ее уходе в реальность исключительно виртуальную, утверждает, что постмодернистское принятие потери персональной идентичности не ведет к недопустимости обретения самоидентификации, поясняя, что «утрачивается лишь жесткая детерминированность жизненного пути развития личности» [14, с. 28]. Данное утверждение, хотя и вносит достаточно убедительную коррективу в идентификационную концепцию, но основано лишь на варианте персональной идентичности личности творческой, что, в свою очередь, классифицирует само понятие самоидентификации, в то время как для децентрированной действительности постмодерна это несвойственно.

Е. С. Маслова утверждает, что концепция постмодернизма в целом является «эрозией гуманизма как ценности, эрозией его философских основ и его содержания» [15, с. 109], в которой в альтернативу не предлагается ничего, кроме пустоты, где бессубъектность производит исключительно эрозию личности абстрактного «скучающего наблюдателя» [15, с. 110]. При этом Е. С. Маслова соглашается с тем, что описываемая ею дегуманизация – не последнее слово в прогрессе культуры и философской мысли в целом.

Описывая понятие кризиса идентификации, М. А. Можейко акцентирует внимание на аксиологическом ацентризме современной культуры, а также на «идее микшированности культуры, своего рода перемешивании в конкретных культурных контекстах фрагментов культурных традиций, образующих принципиально несистемную мозаику» [16, с. 56]. Исходя из этого можно предположить, что ввиду отсутствия системности, а значит, и невозможности к стабильной психологической ассимиляции процесс самоидентификации и есть основное направление развития культуры постмодерна.

М. А. Можейко приходит к заключению, что своего рода поиск идентификационной принадлежности и есть одно из основных направлений к преодолению кризиса идентификации и определяет этот этап как эволюционный в философии постмодерна.

Исследуя проблему самоидентификации в культуре постмодерна, следует обратить внимание на исследования феномена игры и его доминантное положение в современной системе общества. Для постмодернизма характерно преобразование игры в смерть, выводя саму игру в трансгрессивное состояние в виде «экзистенциально-проблемного поля, формирующегося в постмодернизме» [17, с. 114], что ведет к абсолютно иному представлению и решению проблем таких понятий, как любовь, свобода, смысл и др.

Отталкиваясь от концепции Ж. Батая об игре, смыслом которой является именно отсутствие смысла, можно подвести к тому, что «в состоянии игры человек свободен наделять смыслом то, что его не имеет» [17, с. 115].

Отмечается, что с утратой первичного понимания смысла постмодернизм наделяет его абсолютно новым значением – господством, которым обладает человек, имеющий выбор [17].

Игровая составляющая стала звеном, скрепляющим такие понятия, как свобода и выбор. Она преобразует формулу «свобода || выбор» в формулу «свобода = выбор» и, в свою очередь, обесценивает само понятие «свобода выбора»: свобода и есть выбор. Отныне выбор, находясь сепаративно от свободы, лишается абсолютно всякого значения, выводя понятие свободы на лидирующую позицию – концепция свободы абсолютна и не может быть ограничена выбором.

Следовательно, субъект, будучи свободным от необходимости выбора, наделяет смыслом лишь саму игру и безграничность свободы в этой игре.

Таким образом, игра как феномен бесконечно вариативна. Из этого следует, что самоидентификация невозможна без состояния игры, а ввиду того, что игра непостоянна и способна как объединять, так и разделять, а то и вообще микшировать как социальные роли, так и субъекта в окружающей действительности в целом, актуализация проблемы личностной идентичности увеличивается прогрессивно. Бесконечность вариации смыслов обесмысливает все, за исключением самой игры.

Исходя из вышеизложенного, можно представить постмодернистский деконструктивизм в виде регресса относительно понятия личностной идентификации. Это, в свою очередь, при новом этапе обретения строго направленного вектора в виде поиска преодоления кризиса идентичности в эпоху постмодерна подводит к заключению, что данный регресс не является противоположностью прогрессу как таковому, а существует лишь как его неотъемлемая часть – является его следствием, в которое изначально заложена определенная цикличность, ведущая в виде колебательного процесса к процессу эволюционному.

Список использованных источников

1. *Firat, A. F.* The consumer in postmodernity / A. F. Firat // *Advances in Consumer Research*. – 1991. – Vol. 18. – P. 70–76.
2. *Беспамятных, Н. Н.* Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспамятных; под ред. М. А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2007. – 404 с.
3. *Беспамятных, Н. Н.* Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности / Н. Н. Беспамятных; под ред. М. А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2009. – 244 с.
4. *Корчмарюк, В. А.* Психоаналитическое рассмотрение теории личности / В. А. Корчмарюк // *Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД России*. – 2007. – № 3. – С. 165–169.
5. *Лакан, Ж.* Стадия зеркала как образующая функция [Электронный ресурс] / Ж. Лакан. – Режим доступа: <http://www.zipsites.ru/psy/psylib/info.php?p=982>. – Дата доступа: 20.01.2020.
6. *Эрикссон, Э.* Юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эрикссон; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.
7. *Тарновский, К. Ю.* Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна / К. Ю. Тарновский // *Ценности и смыслы*. – 2016. – № 3. – С. 101–111.
8. *Богданова, О. А.* Кризис идентичности личности в культуре постмодерна / О. А. Богданова // *Науч. мысль Кавказа*. – 2016. – № 2. – С. 26–31.
9. *Меньшиков, Л. А.* Истоки постмодерна и роль неклассической философии в формировании интеллектуального пространства современной культуры / Л. А. Меньшиков // *Человек. Культура. Образование*. – 2013. – № 2. – С. 6–16.
10. *Новиков, Ю. Ю.* Концепция времени в философии Анри Бергсона / Ю. Ю. Новиков // *Метафизика*. – 2005. – № 5(7). – С. 21–28.
11. *Ортега-и-Гассет, Х.* Тема нашего времени / Х. Ортега-и-Гассет // *Самосознание европейской культуры XX века*: сб. – М., 1991. – С. 264–267.
12. *Хайдеггер, М.* Искусство и пространство / М. Хайдеггер // *Самосознание европейской культуры XX века*: сб. – М., 1991. С. 95–102.
13. *Догужиева, М. М.* Философия постмодернизма: опыт популярного изложения / М. М. Догужиева // *Гуманитар. вестн.* – 2013. – № 4. – С. 1–13.
14. *Латыпов, И. А.* Самоидентификация личности: философские аспекты / И. А. Латыпов // *Вестн. Удмурт. ун-та*. – 2005. – № 12. – С. 21–30.
15. *Маслова, Е. С.* Эрозия идентичности в постмодернизме / Е. С. Маслова // *Гуманитарий Юга России*. – 2018. – Т. 7, № 6. – С. 105–111.
16. *Можейко, М. А.* Парадигма анти-психологизма в художественной культуре XX–XXI вв. / М. А. Можейко // *Искусство и культура*. – 2017. – № 1. – С. 52–60.
17. *Вигель, Н. Л.* Человек в культуре постмодерна / Н. Л. Вигель // *Экон. и гуманитар. исслед. регионов*. – 2015. – № 2. – С. 114–117.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)